

— Джек, Глория хочет тебя видеть в своем офисе.

Это было единственное, чего никто в Стернс Инк. не хотел бы слышать, потому что обычно это означало, что на вас поставлен крест. Глория Стернс считала, что она обязана лично доводить плохие новости до людей, а не через кого-то из своих подчиненных. Нынешняя экономика была отстойной, Стернс сокращался, и казалось, что я приближаюсь к черте безработицы.

Я постучал в дверь личного кабинета Глории и услышал, как она сказала:

— Войдите.

Я открыл дверь и вошел в кабинет, а она вышла из-за стола и подошла ко мне с протянутой рукой в знак приветствия. Я чувствовал то же покалывание в паху, что и каждый раз, когда видел ее. Высокая, гибкая и симпатичная как подиумная модель, она, проходя через офис, зажигала огонь во всех. Я взял ее за руку, когда она сказала:

— Джек, как приятно тебя видеть. Присаживайся.

Пожав руку, она вернулась за стол и села. Когда я тоже сел, она взяла папку со своего стола, быстро просмотрела ее, посмотрела на меня, а затем опять посмотрела на то, что как я мог предположить, было моим досье.

— Как долго ты работаешь здесь, в Стернс, Джек?

— Одиннадцать лет. Я пришел работать на вашего отца сразу после школы.

— Тебе, должно быть, было трудно работать здесь полный рабочий день, когда по вечерам ты ходил в колледж.

— Это было нелегко, мисс Стернс, но ваш отец мне очень помог.

— Да, я знаю. По какой-то причине он так и не объяснил, почему рассматривает тебя почти как сына. Он даже одолжил тебе деньги на образование, а затем простил ссуду в качестве подарка на выпускной. Почему он это сделал, Джек?

— Я не знаю.

— Нет, ты знаешь, Джек, и более того, я тоже. Почему ты это сделал, Джек? Почему ты так подставился?

— Ваш отец был хорошим человеком, мисс Стернс, и я не собирался позволить этой суке испортить ему жизнь.

— Были ли деньги на твое образование расплатой за это, Джек?

— Нет, мэм. Ваш отец уже дал мне ссуду и даже простил ее в качестве подарка на выпускной. Думаю, это — одна из причин, почему я это сделал. Он не обязан был мне помогать, но сделал это из доброты своего сердца, а я не буду стоять и смотреть, когда такого человека трахает какая-то жадная маленькая сучка.

— Тебе повезло, что тогда не было анализа ДНК; это могло бы вытащить твою историю из воды.

— Не совсем. Было пятьдесят на пятьдесят, что это лишь подтвердит мою историю.

— Вы с отцом оба сделали анализы?

— Я не знаю, делал ли его когда-либо ваш отец, но половина парней в почтовом отделе сделала, и любой из нас мог оказаться отцом.

— И все же, что заставило тебя, когда она сказала, что мой отец сделал ее беременной, встать

и сказать, что она говорила тебе, что знает, что ребенок не его, но собирается утверждать обратное за большие деньги?

— Верность.

— Подумать только! Ну, ты и старомоден, не так ли?

— Насколько я понимаю, верность никогда не выходит из моды.

— Есть ли шанс, что твоя верность моему отцу может распространиться и на других членов семьи?

— Что вы имеете в виду?

— Только это, Джек. Есть ли шанс, что твоя верность моему отцу перейдет и на меня?

— Я все еще не понимаю, мисс Стернс.

— У меня проблемы, Джек, и мне отчаянно нужен рыцарь в сияющих доспехах, который бы пришел мне на помощь.

— Я сделаю все что смогу, мисс Стернс.

— Может быть да, Джек, а может, и нет. Тебе необходимо знать заранее, что мой рыцарь будет жестоко обижен, будет терпеть возмутительные унижения в течение почти пяти лет и, скорее всего, научится испытывать ненависть при виде меня...

Я бы хотела, чтобы ты пообедал со мной сегодня, Джек. Мы сможем обсудить это где-нибудь, где мне не придется беспокоиться об ушах в стенах. Могу я заехать за тобой около семи?

— Да, конечно. Я объясню вам дорогу.

— Мне это не нужно, Джек, я знаю, где ты живешь.

На моем лице, должно быть, было написано любопытство, потому что она сказала:

— Сегодня вечером ты получишь ответы, Джек, просто наберись терпения.

Просто наберись терпения! Ей легко говорить, а мне совсем непросто. Как она узнала, где я живу? Что она имеет в виду, говоря о стенах с ушами? Что она может хотеть от меня, и почему думает, что я могу это сделать, зная, что буду, как она выразилась, в дерьме? Я сидел за своим столом и до конца дня ни черта не сделал. Я не мог сосредоточиться на работе ни за что на свете, все, о чем я мог думать, это о нашем ужине тем вечером и о том, что бы она могла заставить меня сделать такого, чтобы я ненавидел ее при одном только взгляде, прежде чем все закончится.

— Я хочу, чтобы ты на мне женился, Джек.

Я был ошеломлен. После нашего разговора в лимузине по дороге в ресторан я ожидал чего-то неожиданного, но ничего даже близко подобного. Я не успел устроиться на сиденье, как она посмотрела на меня и глубоко вздохнула:

— Я собираюсь все это рассказать сегодня вечером, Джек, и молюсь, чтобы я могла доверять тебе, чтобы ты сохранил в тайне то, о чем мы говорим, даже если решишь не делать того, о чем я собираюсь тебя попросить. Честно говоря, я не ожидаю, что ты это сделаешь. Бог знает, лично я бы, если бы была на твоём месте, этого не сделала. Я думаю, что единственная причина, по которой я могу просить об этом тебя, — это твои отношения с моим отцом. Ты знаешь, что по его завещанию ты будешь иметь работу в Стернс всю жизнь? Что тебя невозможно уволить или сократить?

— Я даже понятия не имел.

— Ты и не должен был знать. Единственная причина, по которой я тебе это говорю, чтобы ты не боялся за свою работу, если откажешься от того, о чем я собираюсь просить. Сможешь ли

ты сделать так, Джек, что независимо от твоего решения сегодня вечером, то, о чем мы говорим, останется между нами?

— Вы уже знаете, что да, мисс Стернс, иначе у нас бы даже не было этого разговора.

— При таких обстоятельствах, Джек, я думаю, тебе следует называть меня Глорией... Вот мы и на месте, — сказала она, когда мы остановились перед рестораном. — Прежде чем твоя первая рюмка упадет в желудок, тебя ударит бомба.

Выражение моего лица позабавило ее, и она улыбнулась:

— Я знаю, что с сегодняшнего утра у тебя в голове была тысяча мыслей, но держу пари, что это не одна из них, не так ли?

— Нет, мэм, ничего похожего.

— Я сказала тебе, Джек, — Глория. Итак, как тебе пока что кажется эта идея?

— Боюсь, я не понимаю, мисс Сте... Глория.

— Я объясню, Джек. По чисто финансовым причинам мне нужен муж, а по чисто личным мотивам мой любовник не может быть мужчиной, за которого я выйду замуж.

— Я все еще не понимаю.

— Я не собираюсь объяснять, почему не могу выйти замуж за своего любовника, но объясню все остальное. Мой отец, по причинам, известным только ему, написал свое завещание таким образом, что если я не выйду замуж по достижении тридцати лет, мои доверительные фонды, их три, вернутся в различные благотворительные и основные фонды. Тридцать мне исполнится через семь месяцев. Я не могу выйти замуж за человека, которого люблю, но категорически не желаю отдавать свои деньги каким-то группам, желающим спасти китов, обнимать деревья или делать безопасной среду обитания для каких-то проклятых мышей. Итак, мне нужен муж, но это должен быть особый тип мужа. Он должен понимать, что он — муж лишь по названию, и что секс в браке будет минимальным и почти полностью односторонним. Его будут оскорблять и унижать, а ему придется с этим мириться в течение пяти лет, прежде чем он сможет получить развод, и в какой-то момент в этом пятилетнем периоде ему нужно будет стать отцом ребенка. Это похоже на то, что может тебя заинтересовать Джек?

— Э, нет, не совсем.

— Что ж, позволь рассказать тебе об остальном. Два целых пять десятых миллиона долларов депонированы на банковский счет Каймановых островов, что делает их не облагаемыми налогом. Ты не сможешь получить к ним доступ, пока не истекнут пять лет. Ты будешь жить со мной, а я буду оплачивать все счета, предоставлять машины, членство в загородных клубах и все остальное, что тебе потребуется, понадобится или ты захочешь, и ты будете получать ежегодное пособие на расходы в размере десяти тысяч в месяц. Взамен ты должен пообещай мне быть верным мужем в течение пяти лет и мириться с любыми унижениями, которые будут исходить от меня. Теперь звучит немного лучше? — Немного, но есть серьезные опасения.

— И какие же?

— Я останусь полностью верным только при минимальном количестве секса, иначе нет, не в моем возрасте и определенно не в течение пяти лет.

— Если я смогу что-то сделать с сексом, как будет звучать все остальное?

— То, что я получу, звучит нормально, но меня беспокоят другое, о чем вы упомянули: пренебрежение, словесные оскорбления и унижение. Об этом мне нужно знать больше,

гораздо больше.

— Физического насилия не будет, Джек, но будет много словесных оскорблений, в основном, направленных на то, чтобы унижить тебя. Это будет все психологическое, Джек, и это не должно тебя беспокоить, потому что ты будешь знать, что это скоро закончится, а также ты будешь знать, что это все чушь собачья из-за твоего статуса. Ты не будешь мужем-рогоносцем, ты будешь просто актером театра.

— Я все еще хочу знать, во что ввязываюсь.

Глория посмотрела на меня, и я увидел, что она думает о том, как бы сказать как можно меньше и при этом убедить меня, поэтому я добавил:

— Хорошо, как насчет этого? Я в принципе согласен сделать это, но только после полного раскрытия информации, а чтобы обеспечить полное раскрытие информации, я хочу получить письменное соглашение, освобождающее меня от пятилетнего ожидания получения офшорных денег, если вы раскроете не все. Также я хочу, чтобы письменное соглашение предоставило мне деньги, если брак не продержится полные пять лет не по моей вине.

Она смотрела на меня почти целую минуту своими пронзительными голубыми глазами, а затем сказала:

— Согласна, — протянула руку, и я пожал ее.

Выяснилось нечто простое, но странное. Ее любовником был темнокожий мужчина по имени Джумал Вашингтон, а по причинам, которые она не хотела раскрывать, она не могла выйти за него замуж или позволить своим отношениям с ним выйти на свет. Ее отец обусловил, что она должна выйти замуж к тридцати годам, и что брак должен продлиться не менее пяти лет, и что к тридцати пяти годам должен появиться внук. Будучи женатым на ней, мне придется мириться с Джумалом, а он, откровенно говоря, был отвратительным засранцем. Ее немногочисленные близкие друзья, знавшие о Джумале, терпеть его не могли и постоянно спрашивали Глорию, что она в нем нашла?

— Любовь слепа, Джек. Я знаю, что он иногда бывает засранцем, но я все еще обожаю его, хотя и знаю это. Неважно, что он сделает, Джек, я всегда найду для него оправдания. Ты же знаешь об этом, Джек? Ты был в таком же положении с Шелли, так что, ты знаешь, на что это похоже.

— Откуда вы узнали о Шелли?

— Я знаю о тебе все, Джек. С тех пор как я выбрала тебя на роль своего мужа, я наняла частных детективов. Я стараюсь не рисковать, Джек. Я знала о связи между тобой и моим отцом, и рискнула, что это может сработать в мою пользу, но здесь на кону тридцать один миллион, Джек, поэтому я поставила себе задачу узнать о тебе все что нужно. Просто из любопытства, как долго ты знал о Шелли, прежде чем все закончил?

— Два года, одиннадцать месяцев, одну неделю, три дня, два часа и пятнадцать минут.

— Ты позволил этому продолжаться так долго?

— Ты сама сказала: любовь слепа, и ты всегда находишь оправдания. Я бы опять искал оправдания, если бы не застукал их. Даже тогда я выбросил ее лишь из-за того, кто это был. Любовника бы еще мог вытерпеть, но ее отец, ее брат и они оба одновременно? Вынести это я просто не смог.

— Так ты сделаешь это?

— Полное раскрытие, Глория. Остается еще и небольшая проблема секса, о которой нужно

поговорить. В особенности хочу услышать о минимальной и полностью односторонней его части.

— Ах, это.

— Да, это.

— Я люблю Джумала, и намерена оставаться ему верной, по крайней мере, в некоторой степени. Мы с тобой займемся сексом один раз после церемонии юридического заключения брака, а потом не будем заниматься сексом, пока не наступит время зачать ребенка. Тем не менее, у меня есть определенная потребность, которую Джумал категорически отказывается удовлетворить. Он готов позволить сделать это со мной тебе и не считать это изменой, но только при определенных обстоятельствах.

— Что именно и каковы эти определенные обстоятельства?

— Надо ли нам вникать в это сейчас, Джек?

— Полное раскрытие, Глория. Рано или поздно мне придется узнать, и все, о чем ты не хочешь говорить, заставляет меня нервничать.

— Мне нравится, Джек, когда вылизывают мою киску, но Джумал категорически отказывается это делать. Он говорит, что для него делать такое унижительно. Он позволит мне, чтобы это делал со мной ты, и не будет считать изменой, но только после того, как он первым займется любовью со мной. И будут случаи, когда он захочет посмотреть.

— Это же несерьезно!

— Нет, Джек, абсолютно серьезно. Подумай об этом, Джек, сто двадцать тысяч в год в течение пяти лет в качестве расходных денег и горшок с золотом в два целых пять десятых миллиона долларов в конце пятилетнего срока. Ты ведь и раньше уже делал это. Джек. Ты знаешь, что облизывал Шелли, после того как ее трахали, и это не убило тебя, а ведь и не было горшка с золотом, ожидающего тебя после того, как ты это делал. Я позабочусь, чтобы у тебя была сексуальная жизнь, Джек, но со мной этого просто не будет. Так ты сделаешь это?

Это было почти несложно. Пять лет чуши в обмен на почти три миллиона долларов. Черт, мне тридцать шесть лет, и я готов к жизни, не говоря уже о жизни в роскоши в течение пяти лет. Все что мне нужно было сделать, это потерпеть какую-то ерунду три или четыре раза в неделю от какого-то противного засранца. Я смогу это делать, даже стоя на голове.

Я смотрел на Глорию, пока в моей голове крутились колеса, и, наконец, сказал:

— Три условия. Первое — подписанное соглашение. Во-вторых, я должен одобрить план, который ты придумаешь, чтобы обеспечить меня сексуальной жизнью. Последнее, но не менее важное, наша брачная ночь будет моей и только моей.

— Что это значит?

— Две вещи. Ты уже сказала, что твой парень захочет посмотреть, когда я буду тебя вылизывать, но я не желаю, чтобы он делал это в нашу брачную ночь. Это будет под запретом. Я не хочу, чтобы он находился даже в пяти милях от нас в нашу первую брачную ночь. Второе, что означает «это — моя ночь», — это то, что ты моя на всю ночь. Это не просто быстрый секс, чтобы ты могла честно и с серьезным лицом сказать, что брак был заключен, но — вся ночь, и мы будем делать все. В эту ночь я хочу с тобой анального, орального и вагинального секса.

— Я не могу этого сделать, Джек, тогда я изменю Джумалу.

— Нет, ты можешь, Глория. Ты уже согласилась с тем, что тебе придется заняться со мной сексом в нашу первую брачную ночь, и ты уже решила, что раз уж ты должна это сделать, это будет не измена. Какая разница? Один раз или вся ночь, это все равно.

— Я не могу этого сделать, Джек. Это было бы неправильно.

— Твой выбор, Глория, но, насколько я понимаю, это нарушает условия сделки.

— Ты готов выбросить из-за этого почти три миллиона?

— А ты готова выбросить из-за этого почти тридцать один миллион?

— Я всегда могу найти кого-нибудь другого, Джек.

— Да, можешь.

Я взял меню и посмотрел в него:

— Хороши ли здесь свиные ребрышки?

— Не меняй тему, Джек.

— Никакой смены темы, Глория. Я сказал тебе, что мне требуется, а ты сказала, что я не могу этого получить. Тема закрыта. Мы пришли сюда поужинать, и когда закончим есть, я возьму такси домой, и у тебя не будет проблем с тем, чтобы подвозить меня. — Почему это так для тебя важно, Джек?

— Это важно для моего психического здоровья, Глория.

— В этом нет смысла, Джек.

— Для тебя, может быть, и нет, но не для меня.

— Ты можешь мне это объяснить?

— Все довольно просто, Глория. Ты уже предупредила меня, что часть моего зарабатывания денег заключается в том, чтобы мириться в течение следующих пяти лет с твоим засранцем-любовником. Я — не пустышка Глория, я даже могу написать сценарий на следующие пять лет. Все начнется с того, что он утрет мне нос, потому что трахает мою жену, а я нет. Он перейдет к тому, что захочет, чтобы я, в то время как он тебя трахает, находился в соседней комнате в готовности отлизать тебя, пока его сперма в тебе еще горяча и свежа. Через некоторое время это ему надоест, и он захочет, чтобы я находился прямо в комнате, когда он это делает, будучи вынужденным на все смотреть. После он потребует, чтобы я лег с тобой в позицию 69, в то время как он будет трахать тебя сзади, чтобы я мог видеть, как он таранит тебя всего в нескольких сантиметрах от моего лица. Где-то по пути, после того как он увидит, как я вылижу тебя около дюжины раз, он начнет делать комментарии: «Разве ты не хочешь просто убрать посредника, прийти сюда и получить все только от моего члена?»

— И все время я должен улыбаться и принимать его дерьмо. Что ж, я это сделаю, но хочу иметь возможность смотреть на него и говорить себе: «Я трахал твою женщину, говнюк». «Я кончал ей в рот, долбил ее задницу и изо всех сил старался наполнить ее матку своей спермой». «Твою женщину, говнюк — я брал твою женщину всеми возможными способами, так что, продолжай болтать, потому что для меня это ничего не значит»... Как я уже сказал, Глория, у меня проблема с психическим здоровьем, а тебе это ничего не стоит, поскольку той ночью ты все равно собиралась заняться со мной сексом.

— Думаю, мне нужно кое-что переосмыслить, Джек... Да, ребра здесь очень хорошие. Если ты готов, давай закажем.

После ужина она не разрешила мне вызвать такси, и мы в молчании ехали домой на лимузине. Когда я выходил, она сказала:

— Мы еще поговорим, Джек, но сначала мне нужно подумать.

Прошло два дня, прежде чем Глория позвала меня в свой офис и попросила присесть. Как только я сел, она протянула мне через стол лист бумаги:

— Вот твое подписанное соглашение о полном раскрытии информации. Вопреки моим убеждениям, я дам тебе то, что ты требуешь в отношении нашей брачной ночи. Осталось лишь обеспечить, чтобы у тебя была сексуальная жизнь в течение тех пяти лет, что мы будем женаты. Чтобы сохранить как можно более конфиденциальности и внешнего вида полной верности, я решила, что все, что тебе потребуется, должно делаться внутри границ нашего дома. Я решила, что мне нужна горничная. Конечно, одна из ее обязанностей по уборке будет заключаться в том, чтобы чистить твои трубы так часто, как ты захочешь. Если это решение вызовет твое одобрение, следующим шагом станет выбор правильной женщины.

Она открыла свой портфель, достала скоросшиватель с тремя железными кольцами и протянула мне.

— Посмотри, есть ли тут кто-нибудь, кто тебя заинтересует. Те, у кого лицо перечеркнуто, недоступны.

Я обнаружил, что смотрю на фотографии красивых женщин. На каждой странице было несколько фотографий, основные параметры груди, талии и бедер, и некоторая информация о симпатиях, антипатиях и увлечениях женщин. Я посмотрел на Глорию, и она улыбнулась мне и сказала:

— У одной из моих очень хороших подруг имеется модельное агентство и эскорт-служба. Меня заверили, что женщины из этой книги будут более чем счастливы делать то, что я хочу от них за ту цену, что я готова платить. Просто выбери одну из них, Джек, и я приму необходимые меры. Если через пару месяцев она тебе надоест, ты сможешь вернуться к книге и выбрать другую. По рукам?

Пока она говорила, я листал книгу. Внезапно я замер и уставился на то, что видел. Салли Энн была женой одного из парней, с которыми я играл в софтбол, и я желал ее много лет.

— Все женщины в этой книге готовы к оказанию услуг за деньги?

Глория кивнула, я вернул ей книгу и указал на Салли Энн:

— Вот эту.

— Я так понимаю, мы пришли к соглашению?

— Да, Глория, я согласен.

С этого момента моя жизнь стала беспокойной. В течение следующих трех месяцев последовали фальшивые ухаживания, за которыми последовало объявление о нашей помолвке, после чего последовали сотни вечеринок, устроенных для друзей и родственников. Предстояло составить свадебный план (согласно социальным страницам местных газет, это было одним из «светских событий сезона»), запланировать медовый месяц, и все это время нас с Глорией почти каждый вечер видели в некоторых особых местах в городе. Ко дню нашей свадьбы наши «добросовестные отношения» были установлены, светские страницы называли нас идеальной парой, а друзья и родственники положительно отзывались о том, насколько сильно мы влюблены друг в друга.

Однако был один сбой, и об этом мне пришлось напомнить Глории, но она сказала мне не волноваться, об этом позаботятся. Я сказал ей, что не волнуюсь, потому что знал, что свадьба не состоится, пока об этом не позаботятся. Через два дня она вручила мне подтверждение депозита на мой счет на Каймановых островах.

Я все еще не встречался с мистером Вашингтоном и мог лишь предположить, что до свадьбы Глория его заморозила. Тем не менее, я оглядел толпу в церкви в поисках кого-нибудь, кто

мог быть Джумалом. Я подумал, что он был из тех парней, что пришли, сели в заднем ряду и ухмылялись, когда говорилось о «любви, чести и повиновении». Я бы не стал забывать, что он сказал Глории, что будет там и, возможно, ему придется высказать свое мнение, когда дело дойдет до «есть ли здесь кто-нибудь, кто знает какую-либо причину, по которой эти двое не должны быть связаны священными узами брака?»

Я почти скучал по нему. Он рассчитал свое прибытие так, чтобы сесть как раз в тот момент, когда Глория двинулась ко мне по проходу. Она была сияюще красивой, и когда я посмотрел на нее, то увидел, что Джумал занял свое место, наши взгляды встретились, и я получил насмешливую и самодовольную ухмылку, которую ожидал. Я улыбнулся ему, подумав про себя: «Ухмыляйся как хочешь, засранец, сегодня вечером твоя женщина будет моей шлюхой, а потом, после сегодняшнего вечера, у меня все еще будет часть ее, которая никогда не будет твоей, и я буду понимать это каждый раз, когда лижу ее киску».

Наблюдая за тем, как Глория идет ко мне по проходу, я подумал, и не в первый раз, как жаль, что все это лишь подделка.

Церемония прошла без сучка и задоринки, и не думаю, что Глория была готова к тому, что получила, когда священник сказал:

— Теперь вы можете поцеловать невесту. — Я делал это долго, глядя поверх ее плеча в сторону Джумала. уехал, я пригласил Глорию сесть в машину. — Я никуда не поеду, пока ты не скажешь мне, в чем дело.

— Садись в машину, Глория. Я без колебаний уеду и оставлю тебя стоять здесь. Тогда ты сможешь добраться до отеля для молодоженов автостопом и объяснить, почему приехала без своего молодого мужа.

Глория бросила на меня убийственный взгляд, но села в машину. Когда я отъезжал от тротуара, она сказала:

— Хорошо, Джек, что, черт возьми, здесь происходит?

— Тсс, Глория, разве можно так говорить со своим новым мужем?

— Прекрати, Джек, я хочу знать, что ты делаешь.

— Все просто, любовь моя, я тебе не доверяю. Ты слишком легко уступила требованию «ночь — только моя». Ты интриганка, Глория, и я слышал, как в твоей голове крутятся колеса и шестерни: «обещай ему все, что он захочет, а как только брак будет заключен, обмани его. Он уже будет женат, он будет реалистом и станет вести себя правильно из-за денег».

— Джек, это неправда.

— Конечно же правда, Глория. Мы придерживаемся жесткого графика, который, по твоему мнению, должен был привести нас в отель к одиннадцати, а свадьба завершилась к полуночи. А потом что-то должно было произойти. Может, ты бы встала и прошла через холл в комнату, где уже ждет Джумал? Или, быть может, он просто собирался постучать в нашу дверь, а ты бы встала и впустила его, чтобы он присоединиться к нам. Я мог ошибаться, но понял, что нет, когда церемония закончилась, и я увидел, как ты смотрела в глаза Джумалу. Я видел, как он постучал по часам, и увидел легкий кивок, который ты ему дала. Все уже было оговорено, и настало время послать Джека к черту, только Джек давно решил, что тебе нельзя доверять, поэтому Джек построил свой собственный план. Прямо сейчас мы — на пути к мотелю, где я позабочусь о том, чтобы наш брак состоялся, а я получил то, о чем мы с тобой договорились.

— Это не тот способ начать наш брак, Джек.

— Это — не брак, Глория, и ты знаешь это лучше, чем кто-либо. Это — сделка, и я выполню

свою часть ее. Я сказал, что сделаю, а мое слово не хуже золота, но только если ты будешь уважать свою часть сделки. — Я съехал на обочину дороги. — Время выбирать, Глория. Если ты не собираешься выполнять свою часть сделки, выходи и отправляйся автостопом. Утром я начну процедуру аннулирования брака.

Я увидел, как на ее лице отразилось смирение, а затем она сказала:

— Конечно я выполню наше соглашение, Джек. Я просто удивлена, что ты мне не доверяешь и думаешь, что я не буду доверять тебе.

— Брак — фиктивный, Глория, и мы оба это знаем, но давай не будем усугублять ситуацию, начав лгать друг другу. Я видел, постукивание по часам и легкий кивок, и будучи наполовину интеллигентным парнем, я сделал несколько телефонных звонков на стойку регистрации. Нас зарегистрировали в комнате 1216, а в комнате 1220 зарегистрированным случайно оказался мистер Джумал Вашингтон, а одно из того, о чем я конкретно говорил, было, что в нашу первую брачную ночь его не должно быть ближе пяти миль от нас. Я не вчера появился на свет, моя любовь, и если ты хочешь, чтобы эта штука работала, тебе лучше об этом не забывать.

Что касается первой брачной ночи, я полагаю, что она была и хороша, и плоха. Когда мы добрались до мотеля из «горячего списка», который я выбрал (зная, что никто не станет искать Глорию в таком месте), Глория просто разделась, легла на кровать и уставилась в потолок. Послание было ясным: «Давай поторопимся и покончим с этим», — но поскольку я этого ожидал, то пришел подготовленным. Я открыл чемодан, достал книгу и протянул ее Глории.

— Что это?

— Кое-что, чтобы занять тебя, пока я буду наслаждаться своим вечером.

Я лег на кровать, раздвинул ей ноги, а она сказала:

— Ты ничего не забыл?

— Нет.

— Конечно, забыл. Где презерватив?

— Не требуются.

— О, нет, требуется. Я не готова забеременеть.

— Ты и не сможешь забеременеть от того, что я собираюсь делать. Просто читай свою книгу, — сказал я, а затем накинусь на нее. Я люблю лизать киску, и мне говорили, что у меня это получается очень хорошо. Мне не потребовалось много времени, чтобы довести Глорию до точки, когда она стонала и подталкивала свою киску ко мне в рот. Я ввел палец в ее киску, чтобы намочить его, а затем начал дразнить ее анальный бутон розы.

— Что ты делаешь? — ахнула она, а я на мгновение перестал лизать ее, чтобы сказать:

— Просто читай свою книгу, Глория, и не обращай на меня внимания.

Я поработал этим пальцем у нее в попе пару минут, а затем вставил еще один. Я сосал ее маленького «человечка в лодке», одновременно работая в ее попе двумя пальцами, и Глория уронила книгу и схватилась руками за мой затылок, изо всех сил пытаясь втянуть меня в свою пизду. Я усилил давление на ее клитор, добавив третий палец в попу, и она закричала — на самом деле закричала — «Трахни меня, черт возьми, трахни меня!»

Я улыбнулся, потянувшись за тубиком лубриканта, который уронил на кровать, забираясь на нее. Я намазал немного на свой член одной рукой, в то время как пальцы другой держали ее

клитор, чтобы она стонала. Будучи смазанным, я схватил ее за ноги и поднял их себе на плечи, приподнял ее попу над кроватью, а затем вонзил свой член в ее анальное отверстие...

— Аргхххх!... — это самое близкое к описанию крика, который вырвался из ее рта, когда она попыталась вырваться, но я уже был глубоко в ней и крепко держал ее, так что, она оказалась прижатой ко мне, когда я начал колотиться в нее. Прошлый опыт показал мне, что некоторые женщины любят анальный секс; некоторым он просто нравится, а некоторым — никогда. Для меня не имело значения, в какую категорию попадает Глория, потому что эта ночь была посвящена мне, и мне было наплевать, получала ли она вообще хоть что-то. Тем не менее, было приятно видеть, что через пару минут моего вспахивания заднего прохода, она начала реагировать и вскоре зашипела сквозь зубы:

— Да... да... да...

Чтобы подготовиться к ночи, я за последние двадцать четыре часа одиннадцать раз гонял лысого, просто чтобы убедиться, что мой член будет стоять долго. Я накачивал задницу Глории добрых десять минут, в то время как она стонала, кричала и плакала. У нее было два оргазма, прежде чем я, наконец, смог получить свой...

Когда мой член обмяк, я вытащил его из попы Глории и пошел в ванную, чтобы вымыться. Глория осталась лежать на кровати и смотрела на меня с непонятным выражением лица, пока я наводил чистоту.

Я вернулся к кровати, раздвинул ноги Глории и, прижав колени к ее голове, снова лег между ее ног. На этот раз мои пальцы работали на ее киске, а не на попе, и опять ее руки коснулись моей головы, и она притянула меня к себе. Я продолжал работать с ней, пока она не закричала:

— Пожалуйста, вставь его в меня, Джек, пожалуйста, трахни меня!

Я оторвал рот от ее киски ровно настолько, чтобы сказать:

— Не могу. Мой член еще недостаточно тверд, — и вернулся к работе с ее киской своим ртом и пальцами. Она прижималась ко мне и кричала:

— Трахни меня, Джек, пожалуйста, трахни меня! — Я перестал лизать ее, чтобы сказать:

— Как только мой член затвердеет, — и вернулся к работе с ее клитором. Прошло, может быть, секунд тридцать, а затем я почувствовал, как одна из ее рук коснулась моего члена. Она погладила его несколько раз, а затем повернула свою голову влево, и я почувствовал, как ее голова толкнулась под меня, а ее горячий рот сомкнулся вокруг моего члена. Это было то, на что я и рассчитывал. Я хотел, чтобы она просила меня обо всем, что я с ней сделаю, и до сих пор она умоляла меня трахнуть ее, а теперь сама сосала мой член, что для меня было то же самое, что и просить.

Я позволил Глории сосать меня около двух минут, а затем развернулся и встал между ее ног. Я все еще держался над ней, смотрел на ее красивое лицо и опять желал, чтобы все было настоящим, а не фальшивым.

— Пожалуйста, — сказала она, — чего ты ждешь? Поторопись, поторопись и трахни меня, — но о презервативе не упоминалось. Мое желание не исполнилось. Она так и не попросила меня трахнуть ее в попу, хотя я и сделал это еще два раза. Я занимался с ней любовью (и да, это было) еще три раза, и каждый раз вылизывал ее киску, что сводило ее с ума...

Было пять утра, когда я, наконец, истощенный, уснул.

Проснулся я в девять тридцать, и первое что увидел, это Глорию, опирающуюся на локоть и смотрящую на меня сверху вниз.

— Что? — спросил я, садясь и протирая глаза ото сна.

— Ничего.

— Тогда почему ты на так меня смотришь?

— Почему бы и нет? Это первый день в моей жизни, когда я впервые проснулась с мужем в постели рядом со мной.

— Да, но все мы знаем об этом дерьме с мужем.

Я встал, подошел и поднял штаны.

— Что ты делаешь?

— Одеваюсь, чтобы мы могли устроить это шоу в дороге.

— Ты просыпаешься с мною голой рядом с тобой и хочешь одеваться?

— Сделка заключалась в том, что я должен был провести всю ночь полностью для себя. Ночь закончилась, на улице уже светло, а ты уже должна знать, что я собираюсь дожить до конца своей сделки.

— Ночь не закончится, пока мы оба не встанем с кровати и не оденемся.

Я сбросил штаны на пол и вернулся в кровать.

— Что изменило твое мнение?

— У девушки бывает только одна первая брачная ночь. Кроме того, я сказала тебе, что люблю, когда мою киску лизут, и что тебе, возможно, придется это делать часто. А вчера вечером я обнаружила, насколько большой поворот в этом может быть, когда я полна спермы. Я хочу еще немного, Джек...

Нас выселили только в два часа дня, что полностью сломало тщательно спланированный график Глории. Мы опоздали на рейс на Сент-Томас, и Глории пришлось сделать дюжину телефонных звонков, чтобы поменять расписание. Поскольку следующий рейс на острова отправлялся лишь на следующий день, мы поехали в дом Глории, где я провел свою первую ночь в комнате, которая должна будет принадлежать мне в течение большей части следующих пяти лет. Я слышал, как Глория по телефону пытается дозвониться до Джумала, который, поскольку он придерживался расписания Глории, уже был на Сент-Томасе. Она так и не добралась до него и в приступе гнева бросила трубку. Я улыбнулся про себя и подумал: «Настоящая любовь никогда не бывает гладкой». — На самом деле, я надеялся, что этот засранец нырнет с аквалангом, и его схватит акула, и с этой приятной мыслью положил голову на подушку и почти сразу же уснул.

Медовый месяц был таким же фальшивым, как и свадьба. Сценарий был предоставлен мне задолго до этого, чтобы я мог сыграть свою роль, дабы любой наблюдатель мог видеть лишь то, что считается счастливой супружеской парой. Глория помешалась на заговорах и повсюду видела людей, единственной целью которых было доказать, что она не выполняет условия завещания своего отца.

— Я знаю, ты не веришь в это, Джек, но люди, отвечающие за благотворительные и основные фонды, которые получают деньги, если я не выполню условий завещания папы, сделают все возможное, чтобы найти способ их заполучить. Им нравится их полумиллионная годовая зарплата, и они сделают все возможное, чтобы получить мои деньги. Ты должен быть абсолютно убедительным мужем.

— Что ж, если это правда, Глория, то все, что им нужно, это привлечь армию частных

детективов, и они в мгновение ока выявят факты насчет тебя и Джумала.

— Это не имеет значения, Джек. В завещании папы нет ничего такого, что говорило бы, что я не могу изменять своему мужу, а если дойдет до дела, то я вернусь к этой старой позиции: «я люблю своего мужа, но я — раба большого черного члена». Если это произойдет, ты будешь шокирован, но ты так сильно меня любишь, что простишь меня. Кроме того, у меня очень сильная служба личной безопасности. Ты даже не узнаешь, кто они, но любой частный сыщик, который попытается подобраться поближе, встретит их близко и лично. У денег есть свои преимущества, Джек.

По сценарию мы двое живем в номере для новобрачных, а Джумал — в комнате чуть дальше по коридору. Я должен был спать в комнате Джумала, а он спать с Глорией. Все мероприятия, запланированные на две недели, были спланированы таким образом, чтобы у Глории и Джумала было как можно больше времени вместе, пока я в это время читаю одну из многих книг, которые привез с собой, разгадываю кроссворды или делаю все, что хочу.

Типичная ночь — это когда мы с Глорией идем ужинать и танцевать, где любой, кто наблюдал за нами, мог увидеть нас как любящую пару. Когда мы возвращаемся в отель, то идем в нашу комнату, где ждет Джумал, и если в холле никого нет, Глория заходит в номер для новобрачных, а я иду в комнату Джумала. Если же в холле кто-то есть, мы оба заходили в номер и ждем, пока коридор не очистится, после чего я перехожу в другую комнату.

Типичный день заставлял нас идти куда-нибудь, где мы могли побыть одни, за исключением того, что Джумал уже был там. Однажды мы арендовали лодку и отправились на ней в уединенную бухту, и Глория и Джумал сделали то, что делали (я не смотрел, загорая на палубе лодки). В четыре часа дня Глория вернулась на борт, мы отплыли на лодке и пошли в наш номер, чтобы подготовиться к еще одной ночи ужина и танцев.

Этот распорядок был нарушен три раза, когда Глория вошла в комнату, когда я спал, и легла со мной в постель. Она играла с моим членом, пока я не проснулся, а когда проснулся, она села мне на лицо.

— Полижи меня, Джек. Полижи мою киску. Джумал оставил во мне большой беспорядок, Джек; будь хорошим мужем и очисти меня.

Что ж, это было частью сделки, и я заранее знал, что это произойдет, поэтому сделал то, для чего меня наняли. Глория была права в том, что я, вероятно, высасывал из Шелли выделения другого мужчины, но никогда этого не знал, так что, в то время меня это не беспокоило. В случае же с Глорией я заранее знал, что ее трахнул Джумал. Меня беспокоило то, что осознание, что я слизываю выделения высокомерного негра, может превратиться в быстрое путешествие к унитазу. Удивительно, но Глория на вкус не сильно отличалась от того, когда я лизал ее после того, как кончал в нее в нашу брачную ночь. Мне это не нравилось, но и не убивало.

Медовый месяц прошел без происшествий, и мы полетели домой. Я вернулся к своей работе в Стернс, той же, что у меня была, когда все началось. В конце концов, мы не могли сказать, что я женился на боссе ради продвижения, и мы не могли сказать, что у Глории есть фаворит. Мне было все равно. Мне нравилась моя работа, и я хорошо с ней справлялся, достаточно хорошо, чтобы все знали, что я стану региональным менеджером из-за собственных заслуг. Единственное, что изменилось, это то, что мы с Глорией утром ехали вместе на работу, вместе обедали, а затем вместе уезжали домой вечером. В большинстве вечеров, когда мы возвращались домой, нас ждал Джумал.

Случайному наблюдателю нахождение Джумала в нашем доме объяснил отрывок на светской странице местной газеты: «Похоже, Глория Стентон, урожденная Стернс, должна переделать особняк, чтобы приспособить его для своего нового мужа».

Когда мы возвращались домой, на подъездной дорожке стоял фургон, сбоку которого большими буквами было написано «Элейт Констракшн». У Элейт были сотрудники: Джумал и его двоюродный брат Даррнел. Вскоре после того, как мы с Глорией возвращались домой, Дарнел сел в фургон и уезжал. Стекла фургона были затемнены, так что нельзя было сказать, один человек находится внутри или двенадцать.

Ужин был тихим, поскольку Джумал и Глория не хотели разговаривать при мне, а мне нечего было им сказать. После еды я шел либо в свою комнату, либо в домашний офис, который себе устроил.

Прошла первая неделя, в течение которой мы с Джумалом игнорировали друг друга, пока не приходило время ложиться спать, а затем я уходил в свою комнату, а они шли в свою. На второй неделе Джумал начал делать то, что как я знал, он собирался сделать.

— Ну, пора спать. Увидимся утром, Джек. Я отведу твою жену наверх и выебу так, что глаза вылезут из орбит. Ты не против, а?

На следующее утро по дороге на работу Глория извинилась передо мной за поведение Джумала.

— Не нужно извиняться. Я знал, что это произойдет. Не забывай, я ведь уже сказал, что могу написать сценарий. Первый акт прошел именно так, как я сказал. Кстати, коль скоро мы обсуждаем эту тему, я готов к началу своей половой жизни.

— Я займусь этим, как только мы доберемся до офиса.

За обедом Глория сказала:

— Женщина, которую ты выбрал, начнет свою работу завтра. Она может быть у нас только в дневное время, поэтому тебе придется долго обедать, а мне — устроить несколько фиктивных деловых встреч, чтобы объяснить твое отсутствие на работе. Все, о чем я прошу, это быть сдержанным.

— Мне придется придумать историю, объясняющую, почему новобрачный муж получает секс от женщины, занимающейся проституцией. Как ты отнесешься к тому, чтобы быть скрытой лесбиянкой, которой просто для приличия нужен муж?

Глория засмеялась:

— Я намного опередила тебя, Джек. У меня было интервью с ней, вскоре после того как ты ее выбрал. Я сказала ей, что наш брак является немного странным, и что мы сильно любим друг друга, но по медицинским причинам я не могу заниматься сексом. Я сказала ей, что осознаю, что у тебя есть определенные потребности, и что я слежу за тем, чтобы они были удовлетворены.

Глория протянула руку и похлопала меня по колену:

— Джек, ей очень хорошо платят; постарайся сделать так, чтобы мои деньги не пропали зря. Той ночью Глория вошла в мою комнату после того как я заснул, и разбудила меня, играя с моим членом. Вытряхивая сон из глаз, я услышал, как она сказала:

— Я переполнена, Джек. Полижи мою киску. Оближи мою киску и очисти меня.

В обеденное время я пришел домой и нашел там Салли Энн, сидящую на диване в гостиной и

читающую журнал. Она подняла глаза, когда я вошел в комнату, и я увидел изумленное выражение ее лица.

— Джек! Что ты здесь делаешь?

— Ты разве не знаешь?

— Знаю что?

— Что я — твоя пара на свидании?

— Господи, нет! Если бы я знала, то никогда бы не приняла это задание.

— Я настолько отталкивающий?

— Дело не в этом, Джек, просто вы с Фредом дружите, а я изо всех сил стараюсь скрыть от него то, чем занимаюсь.

— Что ж, Салли, позволь мне тебя успокоить. Я запал на тебя, с тех пор как впервые увидел, а когда увидел твою страницу в книге агентства, то подумал, что умер и попал в рай. Я выбрал тебя из этой книги, потому что хотел тебя в течение многих лет. Ты на самом деле думаешь, что я упущу свой шанс, побежав к Фреду и сказав ему, что я трахаю его жену?

— Когда ты так говоришь, нет, думаю, не побежишь.

— Итак, ты хочешь романтики, или мы просто займемся делом?

— Немного романтики может быть неплохо, но возможно, попозже. Прямо сейчас я думаю, нам нужно заняться делом, чтобы я поняла, с чем мне нужно работать.

— Какие-нибудь ограничения?

— Я не люблю грубость или что-либо, связанное с болью, но в значительной степени открыта для всего остального.

— Что ж, я — довольно обычный парень, который занимается оральным, анальным и обычным сексом, и как правило, хочет всего, что может получить.

— Ты наверняка женился не на той девушке, из того, что я слышала.

— Что я могу сказать? Любовь слепа. Она сказала, что хочет быть девственницей до момента, когда выйдет замуж, поэтому мы никогда до этого не занимались сексом. Я узнал о ее медицинских проблемах только после того, как сказал: «да». Но я люблю ее, и если она хочет познакомить меня с кем-то вроде тебя, чтобы позаботиться о моем сексуальном здоровье, я смогу с этим жить.

— Это твой дом, детка, показывай, куда идти.

Салли была во всех смыслах горячей штучкой, что я всегда подозревал, и большую часть дня мы скакали на моей кровати. Она сделала мне самый великолепный минет, любила, когда ее трахают в попу, и испытывала множественный оргазм. Я попытался сделать все еще раз, когда она сказала:

— Прости, я не могу, Джек. Мне надо вернуться домой раньше Фреда и приготовить к его возвращению ужин.

— Разве он не узнает, что ты делаешь, когда вы ляжете спать? Разве он не сможет понять это по ощущениям твоей киски?

Салли хихикнула:

— Откуда ему знать разницу, Джек? С тех пор как мы поженились, не было дня, чтобы он был во мне первым мужчиной, включая и день нашей свадьбы. Завтра мне сразу приходится сюда или подождать, пока ты позвонишь?

— Завтра — секс-пот. В то же время, тот же сценарий.

Салли Энн хихикнула, поцеловала меня и отправилась домой к мужу, который понятия не

имеет. Но эй, кто я такой, чтобы смеяться над бедным Фредом? Он женат на женщине, которой платят за секс с другими мужчинами, а здесь я был женат на женщине, которая платит мне, чтобы я не трахал ее.